

Георгий Никич,
искусствовед, куратор,
эксперт по художественному рынку,
Москва

Чужие в городе – тинэйджеры

Неразрешённое искусство в городе будущего

Эта история началась в Сургуте. Чуть больше десяти лет назад в местном детском доме работала студия Михаила Лабазова ДЭЗ № 5¹. Дети вместе с художниками сделали потрясающие 2-3-4-х метровые светящиеся произведения искусства. Это были облака-светильники, цветы-светильники, невиданные улитки-светильники. Среди этих волшебных вещей была гигантская жёлтая стрела-указатель с именем её создателя – ЛЮДА. Чтобы уже никто не прошёл мимо.

Всё это поселилось в комнатах детей и изменило казённое пространство – оно стало живым. Казалось, уже навсегда. И детям было важно, что это

¹ Речь идёт о совместном проекте Сургутского художественного музея и московской художественной студии под руководством Михаила Лабазова ДЭЗ № 5 «Лампландия», 1998 год.

Школа-сад, Весенние посадки, 2005, Норильск, Школа-интернат №2

они сами изменили мир вокруг себя. Но чудо длилось недолго. На следующий день пришли пожарники и сказали, что вещи сделаны из горючих материалов, что всё это опасно для детей и потребовали убрать произведения. (Потом пришлось придумывать сложные вспомогательные проекты, чтобы «компенсировать травму», чтобы идеи детей всё-таки воплотились в разрешённых комиссией материалах).

Этот случай и ряд других наблюдений позволили мне сформулировать простую мысль о самоценности искусства, создаваемого детьми. Однако общество редко принимает идею ценности детского искусства, оно всегда упаковано в контексты полезных процессов, оформленных в терапевтические, социальные, образовательные, воспитательные программы. В результате искусство, создаваемое внутри подобных программ, оказывается служебным, малоценным, временным. Не случайно в лексиконе, описывающем искусство, создаваемое детьми, одно из ключевых слов — «поделки», а они, в свою очередь, рассматриваются сравнительно — по отношению к заданным образцам-нормам, утилитарно — по

критерию точности иллюстрации заданной темы, «качественно» — по критерию уверенности заимствования технологий или иному признаку «похожести на взрослого».

Похоже, взрослым не приходит в голову, что дети могут создавать настоящее искусство. Им кажется, что возраст ограничивает эту возможность. Видимо, здесь ключевым словом является «зрелость». И в этом смысле, соответственно общепринятым инерциям — половая зрелость, социальная зрелость, гражданская зрелость — по отношению к тинейджерам понимается как стадии становления, иными словами — «недозрелость». К этому же ряду относится и представление о роли детей в «культуропорождении».

И тут взрослые оказываются в неоднозначной ситуации — с одной стороны, большие и малые корпорации позволяют себе цинично эксплуатировать детское творчество, чтобы иллюстрировать свои социальные программы понятными всем выставками-иллюстрациями «наш город», «наш завод», «семья-корпорация-город»... С другой — взрослая миссия подобных жестов не подтверждена пониманием, что дети во всех их проявлениях —

Чужие в городе – тинэйджеры

Неразрешённое искусство
в городе будущего

Андрей Феклистов. Потом солнце, 2007, 120x200, смешанная техника, частная коллекция, Россия

социальных, коммуникационных, даже физиологических и, конечно, творческих – в современном меняющемся мире уже другие, чем они – взрослые.

Так было не всегда. Уже более ста лет назад знаменитые художники – модернисты и авангардисты – считали искусство детей одним из источников развития культуры будущего. Например, в фондах Государственной Третьяковской галереи хранится целая коллекция детских работ, которые собирал Михаил Ларионов.

Михаил Лабазов – один из немногих, кто не отличает взрослых художников от художников-детей, и в рамках его мастерской совместное творчество и непрерывность процесса придумывания, проектирования и делания создали удивительный прецедент воркшопа, длящегося 20 лет – пространства, из

которого выходят произведения и выставки, художники и те, кто ощущают «художника внутри»...

...Несколько лет назад здесь появилась работа Андрея Феклистова под названием «Потом солнце». Она и несколько других подвигли нас на организацию радикального эксперимента – настоящей аукциона, не благотворительного – с поделками и благодарными, но ограниченными, от 1000 до 3000 долларов, целевыми взносами присутствующих (при этом произведения часто даже не забираются) – а такого, на котором и аукционисты полноценные, и PR-программа хорошо разработана, и, главное, приглашены коллекционеры, которых эксперты заинтересовали редкими перспективными работами... Место тоже было выбрано

Соня Овчинникова. Лысый человек среди дредастых, 2007, 190x197, поликарбонат, акрил. Фото Иван Анохин

не случайное — гламурное, полузакрытое, модное и роскошное — галерея «Триумф».

Нешуточная подготовка привела к нешуточным результатам — трагическая «Потом солнце» Андрея Феклистова и смешная «Лысый среди дредастых» Софьи Овчинниковой оказались предметом ожесточённого спора коллекционеров — цены на них достигли нескольких десятков тысяч (кстати сказать, сделанный как «коммерческий», этот аукцион имел стопроцентный благотворительный адресный выход — четверо детей из разных концов страны получили возможность сделать сложную операцию).

Этот эксперимент был уникальным, и он подчёркивает правило — общество не готово оценивать искусство детей вне «детского контекста». Культурное экс-

пертное сообщество и художественный рынок сознательно или подсознательно не допускают мысли о том, что поток детского искусства может равноправно «размывать» границы принятых и допускаемых в общественный, медийный, коммерческий оборот артефактов.

Впрочем есть даже детские музеи. Но, во-первых, их очень мало, во-вторых — практика их работы основана на «раздвоении институциональной личности»: внутри детские произведения ценятся и хранятся, но как только музей начинает работать с городом, сообществами, школами и иными институтами, в силу вступает общепринятое — воспитательно-образовательное, социально-терапевтическое программирование.

Даже такие лидеры культурных инноваций, как галерея Саатчи в Лондоне,

организовавшая конкурс скульптуры и конкурс живописи для детей, ограничили поле интереса именно включением культурных практик в школьные образовательные программы.

Когда происходило Московское биеннале молодого искусства, я спрашивал у организаторов: «Когда вы говорите, очень осторожно, что верхняя граница молодого искусства 35-40 лет, а какая нижняя граница? С какого возраста называют художником?» — или, может быть, разница между детским и взрослым искусством заключается в том, что дитя не ориентируется в окружающих культурных контекстах, ребёнок не оценивает себя с позиции профессионала. Но это совершенно не отображается на его искусстве.

После сургутской истории была норильская. Программа, осуществлённая

Чужие в городе – тинэйджеры

Неразрешённое искусство
в городе будущего

Фондом Михаила Прохорова и ДЭЗ №5² была замечательным экспериментом, в котором дети последовательно осваивали сначала общественное пространство интерната (и сделали его живым), затем перешли в комнаты (и сделали их разными, индивидуальными — своими), и наконец, вышли в городское пространство уже в качестве опытных мастеров по отношению к другим детям и взрослым. Их «Добрые знаки» до сих пор живут в пространствах Норильска.

² В 2005-2010 годах школа-интернат № 2 г. Норильска, студия ДЭЗ №5 под руководством Михаила Лабазова и фонд Михаила Прохорова осуществили серию проектов:

«Школа-сад», 2005 г.,
«Школа-сад: весенние посадки», 2006 г.,
«Добрые знаки», 2007 г.,
«Кем быть?», 2010 г.,
Куратор — Георгий Никич.

В 2010 году норильские дети поехали во Францию. В совместном проекте «Кем быть?» с тинейджерами из Лиона, кроме уже привычной и понятной нам состоятельности и «настоящести» художественных проявлений особо талантливых юных авторов (ведь вполне очевидно, что не все авторы и не все произведения тинейджеров «равнопрекрасны»), проявился феномен генетической культурной памяти: российские дети продемонстрировали логоцентричность, повествовательность и любовь к деталям, скрытый трагизм и напряжение, выраженные в сюжетных и масштабных характеристиках, в то время как французы по преимуществу работали с формой, открывали цветовые и текстурные возможности формы, её экспрессии и эмоциональной наполнен-

рынка. Дети же будут создавать произведения искусства, как создавали раньше и создают сейчас.

Мы часто говорим:

- Дети – наше будущее.
- Нет, это будущее – не НАШЕ – ИХ!

ности (не прошло и 150 лет, и вот мы снова соединили вместе «передвижников» и «импрессионистов»).

Всё, что я сказал – скорее повод для обсуждения возможных перспектив восприятия обществом искусства, создаваемого детьми, искусства, как правило не воспринимаемого и по преимуществу не принимаемого взрослыми.

По пути к городу будущего мы, конечно же, попытаемся создать ситуацию, в которой произведения детей будут пониматься и приниматься на равных основаниях со взрослыми. Но в ответ мы немедленно столкнёмся с интеллектуальным сопротивлением охранителей границ современного искусства, с агрессивной растерянностью сферы образования, с недоумением, пусть временным, художественного

«Кем быть?», Лион, 2010.
Российско-французские мастерские и выставка
организованы Фондом Михаила Прохорова в рамках
фестиваля «Неизвестная Сибирь».
Фото – Иван Анохин